

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое учебно-методическое пособие адресовано студентам 3 курса очного и заочного отделений филологического факультета ИГНИ и призвано помочь в подготовке к практическим занятиям по курсу «Русская этимология». На практических занятиях студенты овладеют навыками работы с этимологическими словарями, ознакомятся с методикой этимологизации лексики (включая методические достижения последних лет), увидят взаимосвязь теории сравнительного-исторического языкознания и этимологической практики, а также получают знания, которые могут быть использованы в школе как на уроках русского языка, так и в ходе внеклассных занятий. Итогом проведенной работы должна стать этимологическая характеристика каждым студентом отдельной тематической группы лексики русского литературного языка.

В корпусе учебно-методического пособия приводятся перечни названий этимологических словарей разного характера, тематических сборников статей по этимологии, отдельных монографических изданий и статей. Включены в пособие и некоторые научные статьи по этимологии, а также выдержки из этимологических словарей. В конце каждой темы даются задания к практическому занятию. Кроме того, указывается поэтапный план для подготовки доклада по избранной студентом тематической группе. Пособие содержит перечень основных понятий курса.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

1. Типы этимологических словарей.
2. Принципы отбора этимологизируемого материала.
3. Организация словника и структура словарной статьи в этимологических словарях.

Список рекомендуемой литературы

Абаев В. И. О принципах этимологического словаря / В. И. Абаев // *Вопр. языкознания*. 1952. № 5. С. 56–69.

Аникин А. Е. Postscriptum separatum / А. Е. Аникин // *Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки*. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С. 117–122.

Антропов Н. П. На долгом пути к Я (к 30-летию начала публикации «Этимологического словаря белорусского языка») / Н. П. Антропов // *Этимология*, 2006–2008. М., 2010. С. 24–36.

Ачарян Р. А. О составлении этимологического словаря славянских языков / Р. А. Ачарян // *Вопр. языкознания*. 1952. № 4. С. 91–98.

Варбот Ж. Ж. История славянского этимологического гнезда в праславянском словаре / Ж. Ж. Варбот // *Славянское языкознание : XI Междунар. съезд славистов*. Братислава, 1993 г. : докл. рос. делегации. М., 1993. С. 23–35.

Варбот Ж. Ж. Предисловие / Ж. Ж. Варбот // Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка* : в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 4–7.

Варбот Ж. Ж. Этимологические словари / Ж. Ж. Варбот // *Энциклопедия. Русский язык*. М., 1997. С. 641–643.

Герд А. С. Региональный этимологический словарь / А. С. Герд // *Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике* : к 70-летию Ж. Ж. Варбот. М., 2006. С. 103–108.

Орел В. Двадцатилетие «Этимологического словаря славянских языков» (вып. 1–21, 1974–1994) / В. Орел // *Этимология*, 1994–1996. М., 1997. С. 3–9.

Петерсон М. Н. О составлении этимологического словаря русского языка / М. Н. Петерсон // *Вопр. языкознания*. 1952. № 5. С. 70–78.

Ройзензон Л. И. К методике составления этимологического словаря русского языка / Л. И. Ройзензон, Н. Агафонова // *Этимологические исследования по русскому языку*. М., 1972. Вып. 7. С. 175–179.

Сегень Б. Принципы составления регионального этимологического словаря / Б. Сегень // *Русская диалектная этимология : материалы IV Междунар. науч. конф.* Екатеринбург, 22–24 октября 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 21–23.

Трубачев О. Н. Из работы над русским Фасмером: к вопросам теории и практики перевода // Трубачев О. Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. М., 2004. Т. 1. С. 379–391.

Трубачев О. Н. Об одном опыте популяризации этимологии [рецензия на «Краткий этимологический словарь» (М., 1961)] / О. Н. Трубачев // *Вопр. языкознания*. 1961. № 5. С. 129–135.

Трубачев О. Н. Об этимологическом словаре русского языка / О. Н. Трубачев // *Вопр. языкознания*. 1960. № 3. С. 60–69.

Трубачев О. Н. О семантической теории в этимологическом словаре: проблема омонимов подлинных и ложных и семантическая типология // Трубачев О. Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. М., 2004. Т. 1. С. 441–452.

Трубачев О. Н. Послесловие ко второму изданию «Этимологического словаря» М. Фасмера // Трубачев О. Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. М., 2004. Т. 1. С. 453–463.

Трубачев О. Н. Принципы построения этимологических словарей славянских языков // Трубачев О. Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. М., 2004. Т. 1. С. 192–210.

Трубачев О. Н. Этимологические исследования // Трубачев О. Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. М., 2004. Т. 1. С. 36–53.

Трубачев О. Н. Этимологические исследования восточнославянских языков: словари // Трубачев О. Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. М., 2004. Т. 1. С. 365–378.

Шанский Н. М. Принципы построения русского этимологического словаря словообразовательно-исторического характера / Н. М. Шанский // *Вопр. языкознания*. 1959. № 5. С. 32–42.

Этимологические словари

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь / А. Е. Аникин. М., 2007–. Т. 1–8 (А–Вран) (издание продолжается).

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков / А. Е. Аникин. Новосибирск, 1997. 774 с.

Березович Е. Л. Этимологический словарь русского языка (7–11 классы) / Е. Л. Березович, Н. В. Галинова. М., 2011. 304 с.

Етимологічний словник української мови : в 6 т. / ред. кол.: О. С. Мельничук, І. К. Білодід, В. Т. Коломєць и др. Київ, 1982–2012.

Из истории русских слов : словарь-пособие. М., 1993. 224 с.

Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая / под ред. Л. И. Шелеповой. Барнаул, 2007–. Вып. 1–7 (издание продолжается).

Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края / Е. Н. Полякова. Пермь, 2007. 420 с.

Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / А. Г. Преображенский. М., 1959.

Рут М. Э. Этимологический словарь русского языка для школьников / М. Э. Рут. Екатеринбург, 2003. 432 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер (любое издание).

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2 / П. Я. Черных (любое издание).

Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. Киев, 1970. 599 с.

Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. 3-е изд., испр. и доп. М., 1975. 543 с.

Шанский Н. М. Опыт этимологического словаря русской фразеологии / Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. М., 1987. 240 с.

Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский. М., 1982–. Вып. 1–10 (А–М) (издание продолжается).

Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / А. К. Шапошников. М., 2010.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–. Вып. 1–38 (издание продолжается).

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978–. Т. 1–6, 8–12 (А–С) (издание продолжается).

СТАТЬИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ И АНАЛИЗА

Ж. Ж. Варбот

Предисловие к книге П. Я. Черных «Историко-этимологический словарь современного русского языка»

Назначение этимологического словаря — дать информацию о происхождении (этимологии) слов. Изучением этимологии слов занимается раздел языкознания, который также называется этимологией. Язык — общественное явление. Возникновение слова и его жизнь в языке — изменения его произношения (и написания), значения, форм (спряжения или склонения), сохранение его в течение многих веков или исчезновение или замена другим словом — связаны, с одной стороны, с историей языка, а с другой стороны — с жизнью народа-носителя языка, с развитием его материальной и духовной культуры, с природными условиями его обитания, с его социальным развитием, контактами с другими народами. Соответственно этимологические исследования должны базироваться на колоссальном фундаменте данных не только других областей языкознания, но и самых различных отраслей знания. Совокупность сведений, доступных исследователю при этимологизации одного какого-либо слова, даже в принципе не может быть исчерпывающей, поскольку не сохраняется свидетельств о точном времени появления слов (редкими исключениями являются некоторые слова, созданные известными общественными деятелями, писателями и т. п. в относительно недавнее время), равно как не фиксируются все этапы их изменений. Поэтому этимологическое решение в значительной степени основывается на научном восстановлении, реконструкции изменений, пережитых словом, и почти всегда представляет собою гипотезу. Следствием этого является множественность этимологических толкований одного слова, не только сменяющих друг друга, но и нередко допускаемых специалистами одновременно на определенном этапе развития науки. При этой специфике этимология как наука оправдывает свое назначение и развивается благодаря строгому следованию сравнительно-историческому методу, совершенствованию его приемов, расширению привлекаемой информации. Поэтому этимологические решения, даже гипотетические, имеют научную и общественную

значимость. Устанавливаемые этимологией связи слов дают языкознанию, помимо собственно лексикологических сведений, богатейшую базу для исследования истории звуков и форм языка. Носители языка, общество, пользующееся им, никогда не бывают безразличными к языку, и одно из проявлений интереса к языку — желание знать происхождение слов. Этимология удовлетворяет этот интерес и дает, кроме того, материал для изучения истории самого народа — носителя языка.

Из сказанного выше следует ряд особенностей, отличающих этимологический словарь от других типов языковых словарей. Гипотетичность толкований, а тем более — их множественность требуют от составителя словаря, во-первых, указания авторов толкований (с соответствующей библиографией) и, во-вторых, хотя бы краткого изложения авторской аргументации, особенно если составитель оказывает предпочтение одному из нескольких толкований или предлагает новое решение. Совершенно очевидна трудность выполнения этих требований в сжатых рамках словаря. Ситуация еще более осложняется в словаре, рассчитанном и на широкого читателя. Здесь возрастает и необходимость выбора одного решения, и потребность в объяснении его, однако ориентация на читателя, не имеющего специальной подготовки, ограничивает возможности аргументации. Поэтому читатель неизбежно получает ограниченную информацию, а к составителю предъявляются особенно высокие требования в отношении научной объективности. Эти особенности этимологического словаря следует учитывать при обращении к нему.

Хотя всеми специалистами признается, что цель этимологии — выяснение происхождения слова, есть расхождения в понимании того, что собственно считать происхождением слова. Истории науки известны острые дискуссии между сторонниками корневой этимологии, считавшими достаточным установление корня слова и его первичного значения, и сторонниками этимологии — биографии слова, предполагающей прослеживание всех этапов истории слова, его изменений, от возникновения до современного состояния. Современная этимология признает равно необходимыми реконструкцию первичной структуры и значения слова и изучение его изменений до времени фиксации слова в письменности, но акцентирование того или другого аспекта исследования определяется научной позицией автора. Тип историко-этимологического словаря предполагает если не большее, то, во всяком случае, обязательное внимание к изменениям слова, включая и время его употребления в письменности, вплоть до современного состояния.

Даже при тождестве теоретических концепций авторов возможно различие этимологических словарей в отношении словника (списка рассматриваемых слов) и типовой структуры словарной статьи.

Учитывая все вышеизложенное, следует признать, что в этимологическом словаре читатель получает информацию, объем которой, состав, глубина и форма подачи в большей степени определяются творческим лицом автора-составителя, чем в каком-либо ином языковом словаре. <...>

Для суждения о происхождении русского слова очень важно наличие соответствий (близкородственных слов) в других славянских языках. Без поиска и анализа таких соответствий не может обойтись этимологическое исследование ни одного слова. В словаре же, вынужденном ограничивать объем информации и аргументации, эти инославянские соответствия не всегда находят место. Они обязательны в словаре для специалистов, популярные же этимологические словари чаще ограничиваются констатацией факта наличия соответствий. <...>

Выше уже отмечались трудности, которые неизбежно встают перед автором этимологического словаря при изложении этимологических версий. В популярных этимологических словарях как правило дается только одно толкование происхождения слова, даже если слово признается трудным и существует несколько равноправных решений; библиографические данные не приводятся. <...>

Составление этимологического словаря русского языка на современном уровне науки является очень масштабным предприятием, предъявляющим к автору самые высокие научные требования. Составление словаря, предназначенного для широкого читателя, осложняется тем, что в сущности еще не выработаны рациональные характеристики этого типа словаря.

О. Н. Трубачев

Об одном опыте популяризации этимологии

Количество этимологических словарей русского языка неуклонно растет, что само по себе представляет отрадный факт.

<...> Чтобы избежать неясности, сразу же отметим, что как бы однозначно мы ни решали проблему построения этимологического словаря языка, мы не можем не признать безусловной важности популярных форм работы. Другой вопрос — характер и способы самой популяризации. Словарь может быть «кратким» и «популярным», даже «школьным»

и вместе с тем он может оставаться научным. Между научным и научно-популярным изданием нет и не должно быть принципиального различия; однако писать популярные работы труднее, чем специально научные. Нельзя одновременно оставаться добросовестным и заниматься популяризацией той отрасли науки, которая не стала твоей плотью и кровью. Другими словами, написание популярной работы справочного характера должно быть итогом длительной исследовательской работы. Противоположное понимание научной популяризации почти неизбежно рождает наспех написанную стряпню, грубую фальсификацию, которую не могут скрыть ни псевдолаконичность, ни обтекаемость формулировок или нарочито глухие ссылки. Любое проявление составителем словаря неряшливости — в отношении лексического материала или теории и практики этимологического анализа — способно принести вред, значительно перерастающий ту весьма относительную «пользу», которую можно усматривать в популярном, доступном изложении этимологии. Такой популяризатор может дискредитировать многое здоровое и вполне достоверное из достижений этимологии, особенно если читателю соответствующее положение впервые стало известно именно в этой порочной популяризаторской форме. Между автором научно-популярного пособия и кругом его читателей устанавливается н е р а в н о п р а в н а я связь. В то время как хорошо подготовленный лингвист, читая ту или иную статью самого полного современного этимологического словаря русского языка, способен вполне критично оценить содержание прочитанного, средний читатель популярного этимологического словаря в значительной степени расположен принимать прочитанное за единственно возможное объяснение, особенно когда автор-популяризатор не посвящает читателя в процесс отбора этимологических решений.

ЗАДАНИЯ К ПРАКТИЧЕСКОМУ ЗАНЯТИЮ

1. Охарактеризуйте один из предлагаемых этимологических словарей.
2. Установите по этимологическим словарям происхождение лексем *балда* ‘бестолковый, глупый человек’ и *насупиться* ‘сдвинув, нахмутив брови, принять суровый, неприветливый вид’. Приведите примеры слов, появившихся в русском языке по аналогичным моделям.

3. Есть ли этимологическая связь у слов *каприз* и *кабриолет*, *кастаньеты* и *кастет*, *капитан* и *шеф*?

4. Что объединяет слова *лилипут*, *газ*, *утопия*, *гном*, *йод*, *маргарин*, *робот*, *динозавр*, *парашиют*, *бегония*, *динамит*?

5. Какова этимология лексем *лавсан*, *лазер* и *радар*?

6. Вычлените основные версии происхождения слова *кость* из нижеприведенной статьи «Этимологического словаря славянских языков».

ЭССЯ 11, 167–173

***kostь**: ст.-слав. **кость** ж. р. *ѡстоѹ*, *os* ‘кость’ (Zogr., Mar., As., Euch., Supr., Вост., Mikl., Sad., SJS), болг. *кост* ж. р. ‘кость’ (БТР; РБЕ), также диал. *кос* ж. р. (М. Младенов БД III, 92; Шапкарев—Близнев БД II, 282), сербохорв. *kôst* ж. р. ‘кость’ (RJA V, 368–371), также диал. *kôst* (Hraste—Šimunović I, 450), словен. *kôst* ж. р. ‘кость’, ‘косточка (плода)’ (Plet. I, 443), чеш. *kost* ж. р. ‘кость’, слвц. *kost’* ж. р. ‘кость’ (SSJ I, 751), ‘кость игральная’ (Kálal 261), в.-луж. *kósc* ж. р. ‘кость’ (Pfuhl 275), н.-луж. *kósc* ж. р. (Muka Sl. I, 679), полаб. *t’üst* ж. р. ‘кость’ (Polanski—Sehnert 157), ст.-польск. *kośc* ж. р. ‘кость’, ‘человек, плоть людская (в библич. текстах)’ (Sl. polszcz. XVI w., XI, 69–74), польск. *kośc* ж. р. ‘кость’ (Warsz. II, 500), также диал. *kośc* м. р. (Sl. gw. p. II, 448; Kucała 163; Sychta. Słown. kociewskie II, 82), *kośc* ‘льняная кострика’ (B. Falińska. Pol. sl. tkackie I, 122), *kośc* ‘кость’ (Górnowicz. Dial. malborski II, 1, 183), словин. *kosc* м. р. (Sychta II, 212), *kūaesc* ж. р. (Lorentz Slovinz. Wb. I, 516), *kāesc* ж. р. (Ramult 76), др.-русск., русск.-цслав. *кость* ж. р. ‘кость’ (Панд. Ант. 62, XI в.), ‘тело, все существо человека в целом’ (Библич. Генн. 1499 г.), ‘род, племя (о тех, кто связан общим происхождением, родственными узами)’ (Жит. Петр. Берк. Мин. Чет. июн. 415. XV–XVI вв.), ‘останки, тело умершего’ (Правда Русск., 105. XIV в. ~ XII в.), ‘косточка плодов’ (Леч. II, гл. 110. XVIII в. ~ XVII в. — XVIII в.), ‘игральная кость’ (АХУ III, 131. 1632 г.) (СлРЯ XI–XVII вв. 7, 372–375; Срезневский I, 1297–1298; Сл.-справ. «Слова о полку Игореве» 3, 8–9) русск. *кость* ж. р. ‘отдельная составная часть скелета человека и позвоночных животных’, диал. *кость* ж. р. (мн.) ‘игральные бабки’ (влад., сиб.), ‘льняная костра’ (пск.) (Филин 15, 87), укр. *кість*, род. п. *кóсти*, ж. р. ‘кость’, ‘игральная кость’ (Гринченко II, 246), диал., стар. *кóста* ж. р. ‘кость’ (Матеріали до словника буковинських говірок 6, 84), *костá* (Шило. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра 246), ст.-блр. *кость* (Скарына I, 279), блр. *коscь* ж. р. ‘кость’, также диал. *коscь* (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 506).

И.-е. названием кости было старое имя с гетероклитическими признаками **ost-*, **osti-*, **ostr-*, **ostn-*, **ostřk-*, см. Pokorny I, 783. Ввиду древности этого слова его этимологический генезис не очень ясен для нас. Можно предположить, что корень этого имени — производное с *-e/o-* апофонией от и.-е. **es-* ‘быть,

существовать', откуда празначением и.-е. **ost-* было бы тогда 'сущее, свершившееся, осуществленное'. Правда, хетт. *haštāi-* (из **osti-*, **ostei-*) 'кость' как будто указывает на возможность реконструкции и.-е. **ost-* с начальным ларингальным согласным, а хетт. *e-eš-mi*, соответствующее и.-е. **esmi* 'есмь', такого ларингального начала не имеет, что служит упомянутому сближению препятствием, хотя, возможно, и преодолимым, поскольку это различие засвидетельствованных начал допустимо считать скорее диахроническим, вторичным. Трудно, например, настаивать на том, что между регулярными продолжениями и.-е. **es-* и хетт. *haš-* 'производить; рождать' нет абсолютно ничего общего, хотя эти отношения и находятся в тени (в словаре Покорного хетт. *haš-* вообще отсутствует). О связи хетт. *haštāi-* 'кость': *haš-* 'производить, рождать' на фоне более общей семантической иерархии 'рождаться, становиться' > 'часть тела' см. Трубачев. Слав. терм. родства 160. И хотя по-прежнему остается вне поля зрения значительной части индоевропейцев связь и.-е. **gēna-* 'рождать(ся)' и **gēnu-* 'колено', а также 'челюсть, подбородок', сюда же **gōnadh-* и нем. *Knochen* 'кость', освещавшаяся в упомянутой только что книге (достаточно справиться об этом в словарях Покорного и Клюге или в словаре Buck³ 207, s. v. Bone, где, понятно, обобщен прежний этап этимологических исследований, причем этимологизация и.-е. **ost-* просто отсутствует, этимология нем. *Bein*, англ. *bone* 'кость' признана темной, а значение нем. *Knochen* 'кость' производится из 'лодыжка', вопреки наличию хотя бы родственной формы и значения нем. *Nacken* 'затылок, затылочная кость!'), все же отношения и.-е. **ost-* 'кость' и **es-* 'быть, существовать' нуждаются в специальном всестороннем обсуждении ввиду серьезных вероятий в пользу древности и изначальности связи между ними. Гипотетически реконструируемое при этом значение **ost-* как 'сущее, осуществленное' недаром перекликается с наличествующим у таких производных от **es-* 'быть' форм как **sent-*, **sont-*, **syt-* значением 'сущий, сущее, присутствующее, наличное', а также 'в и н а г р е х , п р е с т у п л е н и е' (нем. *Sünde* 'грех' и родственные). Развитые религии мира, наделив кость атрибутами греховности, бренности сущего, похоже, лишь оживили при этом древние этимологические истоки прежде всего и.-е. **ost(i)-* 'кость'. Достаточно сослаться на ир. *astvant-* 'бренный, переходящий, материальный' (буквально 'костяной'), производное от ир. *ast-* 'кость' (напомним здесь мысль Куриловича о том, что слав. **koščunъ* (см.) своим основным значением 'мирской, связанный с профанацией' обязано влиянию указанного ир. слова, образованного от названия кости, см. J. Kuryłowicz. Irańsko-słowiańskie stosunki językowe. — Słownik starożytności słowiańskich II, 2, 291; О. Н. Трубачев. — Этимология. 1967 (М., 1969), 321).

Для этимологии слав. **kostъ* важно знать слав. продолжения и.-е. **ost-* 'кость'. Можно думать, вслед за Махеком, что и.-е. **ost-* (ср. др.-инд. *ásthi-* 'кость/и т. д.) отражено в слав. **ostъ* (см.), которое приобрело значения 'ость колоса', 'рыбья кость' (см. Machek² 419–420) (мы не разделяем, однако, его «преформантного» толкования формы **kostъ*, о чем — ниже). В поддержку связи и.-е. **ost-* > слав. **ostъ* высказывается также А. С. Мельничук. — Этимология. 1966 (М.,

1968), 234. Большинство же исследователей предпочитает производить слав. **ostь* в указанных выше значениях от и.-е. **ak̑-*, **ok̑-* ‘острый’, см. еще Miklosich 227; Фасмер III, 167 (там же прочая литература); Pokorný I, 22: **ak̑-sti-*, откуда лит. *akstis* ‘копильный вертел’, русск. *оса, ось* (колоса); Fraenkel I, 5–6. Впрочем, Френкель сочувственно приводит мнение о вторичной вставке *k* в лит. слове, а это может оказать существенное влияние на всю оценку происхождения лит. *akstis*, слав. **ostь* и их значений. Если принять уже априори правдоподобную мысль об этимологическом тождестве и.-е. **ost-* и слав. **ostь*, то следует обратить внимание на то, что ни употребление и.-е. **ost-* (др.-инд. *ásthi-*, авест. *ast-*, *asti-*, греч. *ὀστέον*, лат. *os*, алб. *asht*, хетт. *ḥaštāi-* — все со значением ‘кость’), ни допустимые древние этимологические связи (см. о них выше) не содержат указаний на остроту, острое. Создается впечатление вторичности появления этих значений у слав. **ostь*, лит. *akstis*, а также элемента *k* в последнем слове. Лит. *akstis* в таком случае отражает влияние (народно-этимологическое?) со стороны и.-е. **ak-*, **ak̑-* (вар. **akō-*) ‘острый’, а в слав. **ostь* это воздействие, пожалуй, прослеживается уже только семантически. Зная двухвариантное отражение названного корня в родственных — и столь различных — слав. **kamen-* (см. **kamy*) и лит. *akmen-* (*akmuõ* ‘камень’), казалось бы, нетрудно допустить подобную вариантность и.-е. **akō-*: **ak-* ‘острый’ и в слав. **kostь*: лит. *akstis* / слав. **ostь*. Но зыбкость подобного допущения тотчас же демонстрирует семантика слова **kostь*, которое не обнаруживает значения ‘острый, острота’, но только ‘кость’ и достаточно специфическое ‘лынная костра’ (в польск. и русск. диал., см. выше), что, по-видимому, показывает особый путь развития значения ‘кость’ у слова **kostь*.

Слова **kostь* и **ostь* образуют «рифму», что отмечается и в литературе, ср. Brückner, 260: «*kość gmuje do ość*». Однако, кроме этой рифмы номинатива, у них есть и серьезные расхождения, которые позволяют взглянуть на их «рифму» как на нечто вторичное и в известной мере случайное. Даже природа подвижности акцентных парадигм с первоначально конечным ударением **kostь*, **ostь* (об окситонезе **ostь* см. В. А. Дыбо, В. М. Иллич-Свитыч. — Слав. языкознание. V Междунар. съезд славистов. Доклады сов. делегации. М., 1963, 80; о значительной подвижности ударения **kostь* см. V. Kiparsky. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962, 21) у этих слов разная. Слав. **ostь* сменило древнюю основу на согласный **ost-*, а **kostь* существует в кругу многочисленных производных **kosterь*, **kostiti*, **kostra*, **kostrь*, **kosturь*, **kostylь*, **kostyrь* (см. s. vv.), принципиально ничем из них не выделяясь. Это значит, что, например, и **kostь* и **kostra* при анализе обнаруживают элементы значения и структуры, полностью не сводимые к одному из них (ср. значение ‘костра’ у **kostь*), но восходящие к общей для них производящей форме.

Наконец, если **ostь*, как мы видели, обнаруживает соответствия, наряду с другими и.-е. языками, также в балт., то слав. **kostь* «не имеет соответствия в литовском» — очевидный факт, на который четко указал один Брюкнер (Brückner 261). Другие ученые пробовали всевозможными способами установить

связь между **ostь* и **kostь*, но критическое разнообразие этих способов (ниже) и совершенно несхожее распределение форм по языкам (**kostь* — отсутствие в балт. и сомнительность соответствий в других языках, **ostь* — наличие соответствий в ряде — в том числе древних — и.-е. языков) лишь подготавливает вывод о том, что слова **kostь* и **ostь* организованы совершенно различным и независимым способом. Это дает нам право предпочесть для **kostь* внутриславянскую этимологию — производность от глагольного корня **kes-* (ср. **česati*, см.), см. А. С. Мельничук. Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков. — Этимология. 1966 (М., 1968), 234 и сл. Однако нам трудно последовать за автором в его реконструкции для **kes-* применительно к **kostь* значения ‘рубить, убивать’, а для самого производного **kostь* — первоначального значения ‘тело убитого, труп’ и лишь вторично — ‘кости’. Против, нам представляется, что употребление др.-русск. слова *кость*, *кости* как названия убитого (на поле брани) ярко фигурально и первичным считаться не может. Разбираемые А. С. Мельничуком случаи *на костѣхъ* (статей) ‘на поле битвы...’, по нашему убеждению, принадлежат к той же вторичной сфере образного употребления (*pars pro toto*), что и обороты *на крови* в значении ‘на месте убийства’. Если снять эти разногласия, то **kostь* может быть охарактеризовано как субстантивация на -ь (*-i*-основа) первоначального причастия или, скорее, отглагольного прилаг. **kosto-*, образованного с суф. *-to-* и корневым чередованием *e : o* от корня **kes-* (**česati*). Словообразование **kes-* : **kos-to-* может быть охарактеризовано как архаичное, сравнительно с регулярным типом праслав. **česati* : **česanь*. У реконструированного таким образом отглагольного производного **kos-to-* могут быть определены чисто формальные параллели на уровне глагольной морфологии вроде лит. *kàstas*, прич. прош. страд. от *kàsti* ‘рыть, копать’, но акт лексикализации **kostь* принадлежит одному праслав. Лексическая инновация **kosto-*, **kostь* как обозначение кости имела экспрессивный характер: кость названа как то, чем размахивают, семантика *česati* ‘проводить, касаясь’ это позволяла, ср. такую близкую аналогию, как русск. *мосól* (праслав. **moslь*, см.), а также *мотолы́га*, *мостолы́га* — о крупных костях. Старые, а тем более лексикализованные отглагольные прилагательные на *-to-* подчас не имели четкого противопоставления переходности—непереходности, ср. **šьstь* (см.), русск. *шест*, если из **šьd-tь* ‘то, с помощью чего ходят, опираясь’, и.-е. **mr̥to-* ‘мертвый, умерший’. Сказанное относится и к **kosto-*, **kostь* ‘мосол, то, что болтается, задевает’.

Между прочим, сближение **kostь* и **kes-* фактически выдвигалось уже очень давно, см. С. Микуцкий ИзвОРЯС V, 1856, 58: от санскр. *kas* ‘irē’ (принадлежность др.-инд. *kāsati* ‘идти’ к и.-е. **kes-* ‘чесать и т. д.’ неправомерно оспаривается Майрхофером против Уленбека, см. Mayrhofer I, 191).

Практически не менее старо и мнение о родстве **kostь* и лат. *costa* ‘ребро’, до сих пор пользующееся популярностью. Ср. уже Miklosich 134: «Man vergleicht lat. *costa*». Особенно последовательно отстаивал сближение **kostь* : *costa* Мейе, который осмысливал оба слова на фоне известного и.-е. **ost-* ‘кость’, считая при

этом элемент *k-* префиксом. См. A. Meillet MSL 8, 4, 1893, 279; Meillet. Études II, 262; A. Meillet. Le genre féminin de *kostī* et de *solī*. — Prace lingwistyczne (Kraków, 1921), 1–3; A. Meillet. Latin *asser*. — BSL 33, 1932, 53–54 (лат. *costa* < *c-osta*: слав. *kostь*); Ernout—Meillet³ I, 261. Ср. еще Walde—Hofm. I, 281. Но само лат. слово лишено каких бы то ни было других внешних соответствий и является темным словом (возможно, местным народным новообразованием?), что признают и лат. этимологические словари, поэтому методологически целесообразно сначала продолжить поиски его объяснения на собственной лат. языковой почве, а не связывать его судьбу с проблематичной историей слав. слова. Ср., например, попытку анализа лат. *costa*, *costae* ‘ребра’ как сложения *co-stae*, что якобы отражает представление о таком качестве этих костей, как ‘*con-stantia*’: E. W. Fay. Derivation of the root *stha* in composition. — AJPh XXXIV, 1913, 27 (автор, правда, вовлекает в круг соответствий и ст.-слав. **ко-сть**, как он себе представляет структуру этого слова). В каком-то смысле сюда примыкает сближение **kostь* и др.-инд. *kāṣṭhā-* ‘дерево, полено’ (А. Погодин РФВ XXXII, 1894, 273), хотя др.-инд. слово по-прежнему признается «недостаточно объясненным», см. Mayrhofer I, 205 (ср., впрочем, у нас ниже, на **kustь*).

Особняком стоящее сближение **kostь* с алб. *kashtë* ‘солома, мякина’ (K. Treimer MRumWI 366–367; цит. по: RS VII, 1914–1915, 203) любопытным образом подводит нас к гнезду отношений **kostra* : **kostь* : **česati*, о котором см. у нас выше.

В остальном же, несмотря на неутешительное заключение Бернекера (Berneker I, 583: «Попытки объединить *kostь* с др.-инд. *ásthi* ср. р. ‘кость’, греч. ὀστέον, лат. *os*, *ossis*... неубедительны»; ср. почти теми же словами Преобр. I, 368), родство **kostь* и лат. *costa*, с одной стороны, и др.-инд. *ásthi*, авест. *ast-*, греч. ὀστέον, лат. *os*, *ossis* — с другой, постулируется почти всеми лингвистами, причем — без преувеличения — на все лады. Так, вслед за Мейе и другими здесь выделяют и.-е. префикс, иначе — преформант Схрейнена. См. Фасмер II, 349; Sławski II, 555 («вероятнее всего с протетическим *k-*, ср. *koza*, см. Schrijnen KZ XLII, 97–113..., к и.-е. **ost(h)-*, **ost(h)i* ‘кость’...»); Machek² 280–281; Skok II, 164. Некоторые авторы, до конца не найдя внутреннего объяснения анлаутному *k-* в слав. **kostь*, предположили здесь заимствование в праиндоевропейский из доиндоевропейского субстрата, см. F. Schröder. — Die Sprache 9, 1963, 1 и сл. (цит. по обзору: A. Scherer. — Kratylos X, 1965, 8). Подобные предположения, мягко выражаясь, слишком легковесны методологически, ибо о до-и.-е. субстрате мы не знаем ровно ничего (во всяком случае, не можем ответить на вопрос, были ли в этом языке — или языках — префиксы), кроме того, у нас нет никаких данных в пользу пра-и.-е. датировки форм праслав. **kostь* или лат. *costa*, вполне возможно после вышеизложенного обратное, т. е. сравнительно молодой возраст слова **kostь* и — независимо от него — *costa*.

Далее, Ондруш, например, видит причину возникновения слав. **kostь* из и.-е. **ost-* в синтагматическом употреблении типа **nowā ost-* (в эпоху

ларингальных — **neweH H^west-*), где зияние, образовавшееся после падения ларингальных, было заполнено близким согласным *k-*: *nowa kostь*. См. Š. Ondruš. — Actes du Xe congrès international des linguistes (Bucarest, 1970) 658. Миккола (Urs-lavische Grammatik 3, 40; цит. по: Фасмер II, 349) объяснял *k-* в **kostь* путем метатезы *k* в первоначальной форме типа **osth₁k-*, но различие парадигм **kostь* и **osth₁k-* (ср. др.-инд.), а также вероятная хронологическая дистанция между ними таковы, что в это объяснение трудно поверить. Впрочем, и другая метатезная этимология, так сказать, приближенная к слав. хронологии: **kostь* из ум. **ostьka* от **ostь* (A. Steffen JP LI, 1971, 47) — не отличается правдоподобием ни фактически, ни типологически. Видя натянутость всех попыток объяснить «появление» *k-* в **kostь* («*k*-mobile»), Вайян предположил изменение **ostь* > **kostь* путем народно-этимологического сближения с корнем *kos-* в **kosn₁ti*, **česati* (A. Vaillant. Рец. на кн.: Shevelov. A prehistory of Slavic. — BSL 60, 2, 1965, 125; Vaillant. Gramm. comparée II, 1, 173), т. е., как видим, вплотную подошел к нашему этимологическому решению (выше), только в духе вторичного осмысления. Георгиев говорит о контаминации **ostь* и **kost(a)* ‘ребро’, см. БЕР 2, 662.

См. еще Schuster-Sěwс. Hist.-etymol. Wb. 9 (Bautzen, 1981), 634. Лишь для полноты упомянем сравнение слав. **kostь* с японским (!) *kotsu* ‘кость’, см. С. Младенов. — Сб. в чест на А. Теодоров-Балан 325.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru